В.Ц. Головачёв
ИВ РАН

Образование как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895–1945)

К концу XIX в. на Тайване не было системы массового образования, которая возникла лишь после 1895 г., когда Китай «навечно» уступил остров в пользу Японии. Овладев Тайванем, японцы приложили немало усилий для превращения своей первой и тогда еще единственной колонии в «образцовую», развитие которой учитывало бы весь опыт и ошибки голландских и британских колонизаторов.

Главной целью этнической политики японцев в это время стало превращение тайваньцев в лояльных подданных империи, что было бы невозможно без коренных перемен в системе образования. Но при этом японцы считали жителей Тайваня низшей категорией граждан, которых следовало «цивилизовать» в интересах служения метрополии. Именно так утверждал Ёсабуро Такёкоси, автор изданной в 1907 г. книги «Японское правление на Тайване». По этой же причине созданная японцами на острове система образования имела неравноправный сегрегационный характер.

«Новое образование» внедрялось на Формозе силами государства, с основным упором на распространение японского языка как практического орудия в деле колонизации и управления. В 1903 г. в выступлении на совещании по делам образования гражданский губернатор Формозы Гото Симпэй заявил: «Цель этого совещания – распространение государственного (японского. – *В.Г.*) языка... нужно говорить лишь о распространении государственного языка, и этого вполне достаточно... Что касается развития образования, то мы не должны допустить порочную практику, в которую впали Голландия и Индия. Если просто говорить о пользе образования, без глубоких и зрелых раздумий, слишком опрометчиво открывать школы, то это ошибочный способ ведения колониальной политики» [3, с. 208].

© Головачёв В.Ц., 2009

Нацеленная на декитаизацию и японизацию местного населения, новая языковая политика была дискриминационной и проводилась в три этапа: 1) использование тайваньских диалектов (*миньнань*, *хакка*) для чтения китайских иероглифов; 2) преподавание японского языка при помощи тайваньских диалектов; 3) полный переход к использованию японского языка и запрет на использование тайваньских диалектов (см. [1, с. 2; 2]).

Для решения намеченных задач японцы сразу же упразднили прежние китайские «казенные школы» (府學). Хотя они и сохраняли до 1935 г. частные китайские «читальни» (書房) для обучения детей, количество таких читален постоянно сокращалось – с 1431 в 1899 г. до 61 в 1935 г.[1] (см. [4, с. 290; 7, p. 224, 231–234]).

В целом ученые выделяют три этапа в практиковавшейся японцами в течение 51 года колониальной политике дифференцированного образования (см. [4, с. 291]). Первый этап, с 1895 г. до конца второго десятилетия XX в., был связан с внедрением японского языка в систему школьного образования на Тайване. Второй этап, начавшийся с подъемом национального движения в Азии («пробуждением Азии») и нуждами дальнейшего развития острова, продлился до конца 20-х годов. Этот период «просвещенного правления» был направлен на повышение уровня образования и культуры формозцев. Третий этап, с 20-х до середины 40-х годов XX в., стал периодом «образования военного времени» [4, с. 291–294].

Уже в июле 1895 г., всего через месяц после захвата острова, первый назначенный от генерал-губернаторства министр образования Идзава Сюдзи открыл в тайбэйском пригороде Шилинь (Чжишаньянь) классы (芝山巖學堂) для обучения детей японскому языку. С этой школы и началось японское образование на острове. Через год, в марте 1896 г., новые правители открыли местную школу изучения японского языка (國語學校), имевшую отдел педагогики и отдел японского языка. Кроме того, они открыли в главных городах острова отделения Института пропаганды изучения японского языка (國語傳習所). Официальной целью создания Института было провозглашено «обучение жителей японскому языку для подготовки из них кадров местной администрации и укрепления основ образования». Но на деле ряды администрации пополнялись в основном за счет японцев, а формозцам доставались лишь посты мелких служащих, переводчиков, помощников школьных учителей и полицейских сыщиков.

Дискриминация и дифференциация в сфере образования начинались с начальной школы и носили системный характер, проявляясь во всем, включая содержание, организационную структуру, материальную базу обучения и возможности доступа к обучению. В 1898 г. Институты пропаганды изучения японского языка были снова преобразованы в «общественные школы» (公學校) для детей формозцев, действовавшие отдельно от основанных в том же году начальных школ (小學校) для японцев. Обучение велось на японском языке. При этом как по программе, так и по числу лет обучения «общественные школы» были ниже

японских на один класс. Не желая допускать, чтобы культурный уровень формозцев превысил уровень проживавших на острове японцев, колониальные власти всячески ограничивали доступ местных жителей к законченному среднему образованию.

Для обучения детей осевших на Тайване японцев были созданы особые школы, дававшие среднее и специальное образование. В 1907 г. была основана 1-я средняя школа (中等學校), а в 1908 г. – 1-я средняя школа для женщин (女子中等學校). Лишь в 1919 г. тайбэйская школа японского языка (國語學校) была преобразована во 2-ю Тайбэйскую педагогическую школу (台北第二師範學校), с целью подготовки учителей «общественных школ». Для подготовки учителей японских «начальных школ» была отдельно основана 1-я Тайбэйская педагогическая школа (台北第一師範學校) (см. [4, с. 291]).

Что касается среднего и высшего образования для детей формозцев, то и тут дела обстояли далеко не идеально. В итоге открытое неравенство и сегрегация в вопросах образования очень скоро вызвали недовольство местного населения. В 1914/15 г. среди формозцев началось движение за расширение системы образования, которое вылилось в требование разрешить открытие частной средней школы в г. Тайчжун (Тайцзю) в центральной части Тайваня. Известный общественный деятель Линь Сюэтан и представители ряда других элитных семейств Тайваня выделили средства на открытие для формозцев «частной средней школы Тайчжуна» (私立台中中學校).

Чтобы перехватить невыгодную для властей инициативу формозцев, в апреле 1915 г. губернатор Сато приказал превратить готовившуюся к открытию частную школу в казенную «общественную среднюю школу Тайчжуна» (公立台中中學校), которую потом переименовали в 1-ю областную среднюю школу Тайчжуна (州立台中第一中學校). По своей системе эта школа мало отличалась от Школы японского языка. Срок обучения составлял 4 года, отчего областная школа, как и раньше, давала намного меньше знаний, чем японская средняя школа.

Символично, что дискриминация проявлялась даже в нумерации школ. Средние школы для формозцев в Тайбэе и Тайнани назывались Вторыми, тогда как средние школы для японских детей именовались Первыми. И только в Тайчжуне, уже после открытия 1-й средней школы, колониальные власти открыли 2-ю среднюю школу для японцев (см. [4, с. 292]).

Не менее сложно обстояло дело с дифференциацией специального и высшего образования. В 1899 г. власти открыли Тайваньскую школу медицины (台灣醫學校), куда принимались только тайваньцы в связи с тем, что японские медики не желали приезжать для работы на Тайвань. Но и в ней уровень обучения заметно уступал японским специальным учебным заведениям. На деле тайваньцы были не только лишены возможности получить специальное образование на Формозе, но до 1919/20 г. им мешали учиться и в Японии. При этом тайваньцам позволялось изучать в основном технические и прикладные дисциплины, вроде инженерного

дела, сельского хозяйства и медицины, тогда как «свободные искусства» и гуманитарные специальности, требовавшие знания политики, философии и права, оставались привилегией самих японцев. Особенно труден был доступ тайваньцев к юриспруденции (см. [6, с. 128–129]).

Новая система, введенная японцами в 1919 г., на втором этапе развития системы колониального образования, имела свою предысторию. Поднявшаяся вскоре после окончания 1-й мировой войны волна национального движения в Азии затронула и Формозу, вынудив колониальные власти в большей, чем раньше, мере считаться как с просветительскими требованиями тайваньцев, так и с ростом демократического движения в самой Японии. Росту общего уровня грамотности и спроса на техническое образование способствовало также быстрое экономическое развитие острова, для которого мировая война создала весьма благоприятные условия. Кроме того, возросшее число осевших на Тайване японцев также делало насущным создание высших учебных заведений для их детей. Поэтому дальнейшее развитие образования отметилось введением совместного обучения японцев и формозцев, а также организацией высших учебных заведений. При этом вся система высших учебных заведений оставалась монополией японцев.

Поясняя цели колониальной администрации того времени, первый гражданский губернатор Дэн Кэндзиро (田健治郎) писал: «[Политику управления] должно начинать с распространения образования. Чтобы, с одной стороны, развивать их интеллектуальные и моральные способности. С другой стороны, позволить [тайваньцам] ощутить дух поддержки и заботы императорским двором об их жизни, а также непрерывно видеть мудрое милосердие соотечественников, слияние добрых нравов, в надежде на то, чтобы в общественных контактах [тайваньцев] с людьми внутренних территорий (японцами. – *В.Г.*) не имелось никаких резких расхождений. Просвещение и добрые наставления должны позволить им дойти до уровня политического равенства» [5, с. 385]. Эта доктрина Дэн Кэндзиро получила название «политики образовательно-культурной ассимиляции».

В русле данной политики в январе 1919 г. был издан «Указ № 12 об образовании на Тайване» (台灣教育令), по которому в городах Тайчжун и Тайнань открылись два педагогических училища (師範學校), а также были основаны, в рамках среднего образования, Ремесленное училище (職業學校) и Тайбэйское коммерческое училище (台北商業學校). В 1922 г. вышел еще один «Указ № 7 о новом образовании» (新教育令), который предусматривал распространение формозских и японских средних школ по всему острову, а также основание «Тайбэйской высшей школы»[2] (台北高等學校), «Специализированной медицинской школы»[3] (醫學專門學校), «Высшей школы лесного и сельского хозяйства»[4] (高等農林學校), «Высшей коммерческой школы»[5] (高等商業學校), «Высшей промышленной школы»[6] (高等工業學校). Наконец, в 1928 г. было открыто главное высшее учебное заведение на острове – Тайбэйский императорский университет[7] (台北帝國大學) (см. [4, с. 293]).

Так выглядела внешне воспетая официальной пропагандой политика «просвещенного образования» (開明教育). Реальность же по-прежнему отличалась от пропагандистских лозунгов. Политика дифференцированного образования продолжала существовать. В целом к 1921 г. доля получавших образование формозцев младшего школьного возраста составляла в среднем менее 30 %, тогда как доля японских школьников младшей ступени на острове достигала 95 %. В области среднего образования эта разница была еще более велика. Более половины японских детей продолжали по окончании начальной школы учебу в средних школах. Соответственно лишь 2–3% формозских детей могли продолжать получение среднего образования после окончания начальных «общественных школ» (см. [4, с. 292]).

На смену формальному неравенству пришла дифференциация экономическая. В 1921 г. государственные начальные школы для японцев были переданы в ведение городов и деревень. Народные школы для туземцев фактически также организовывались за счет областных и местных управ. Поэтому с точки зрения финансов открытие школ для формозцев было сопряжено с наибольшими трудностями. В итоге если к 1926 г. число учащихся школьного возраста среди японцев составляло уже 98,2 %, то средняя доля школьников среди детей формозцев была почти вчетверо ниже (28,4 %), а среднее количество школьников-аборигенов составляло 71,8 % от всех детей аборигенов школьного возраста (см. [6, с. 129]).

По Положению 1922 г., все средние и высшие учебные заведения были уравнены в правах и программах и было введено совместное обучение японцев и формозцев. Но при этом вся система образования была японизирована, отчего монополия японцев на все учебные заведения еще больше усилилась. Вопреки формальному равенству, фактическая языковая дискриминация заключалась в том, что вступительные экзамены в среднюю школу как для японцев, так и для формозцев были одинаковы. При этом уровень необходимых для поступления знаний определялся по японской начальной школе. Дети формозцев, для которых японский язык был иностранным, были вынуждены не только сдавать вступительный экзамен по японскому языку, но и сдавать на этом языке экзамены по другим предметам. Кроме того, экзамены по этике, истории и другим предметам включали обязательные вопросы по истории и культуре Японии и требовали изложения японских националистических идей. Совершенно очевидно, что для детей формозцев, всего 30 лет назад присоединенных к Японии, такие условия были дискриминирующим препятствием.

Поступление в высшие учебные заведения для формозцев было сопряжено с не меньшими трудностями. Вступительные экзамены во все вузы, за исключением Медицинского института и Высшей коммерческой школы Формозы, проводились в Японии, в расчете на привлечение японских студентов. В результате большинство студентов в вузах Формозы, включая вновь созданные после 1922 г. вузы, составляли японцы,

живущие на Формозе или приехавшие из метрополии. Число учащихся во всех учебных заведениях формозцев было и после 1922 г. намного ниже числа японцев не только в относительных, но и в абсолютных цифрах (см. [6, с. 130–131; 4, с. 293]).

Хотя распространение японского языка было сутью всего образования, первые генерал-губернаторы Кадама и Гото избегали заявлений о том, что конечной целью этой политики была «ассимиляция». Но когда в 1918 г. пост губернатора занял Акаси, он открыто объявил «ассимиляцию» целью колониального управления. Как писал Цай Пэйхэ в изданной на рубеже 20-х и 30-х годов книге «К Японии и японской нации»: «Увы! „Ассимиляция!“ Производящееся во имя тебя языковое объединение подавляет и терзает нашу духовную активность... предоставляя все лучшие политические и общественные места японцам... когда Япония завладела Формозой и бюрократия установила принцип единого языка, многие воспитывавшиеся в прежнее время были отброшены как ненужные, их деятельность была подавлена, и многие от горя поумирали. 30 лет проведения этой убийственной системы образования не могли, конечно, дать хорошего человеческого материала. Но бюрократы хвалятся тем, что среди нас имеется 200 тысяч с лишком человек, владеющих японским языком. Это правда, но... как же используется это новое поколение формозской бюрократией? Не смейтесь: во всех центральных местностях Формозы всего пять человек занимают посты пятого ранга и ниже, а среди чиновников третьего ранга имеется только немногим больше 30 человек: остальные вынуждены жить в вечном безделье. Мы совершенно подавлены во всех областях» (см. [6, с. 132–133]).

Третий период – «образование военного времени» (конец 1920-х – середина 1940-х годов) – пришелся на период усиливавшейся милитаризации Японской империи, кульминацией которой стала японская военная экспансия в Азии. В те годы весь Тайвань превратился в военный форпост, индустриальную и сырьевую базу, обслуживавшую военные нужды Японии. Соответственно военные цели предопределили и изменение методов образовательной политики.

Для увеличения числа рабочих в военной промышленности и вспомогательного личного состава в армии (переводчиков, санитаров, техников, солдат тыловых служб и пр.) власти острова стали в мобилизационном порядке приобщать формозцев к «военной подготовке» и освоению технологий военного производства. С другой стороны, создавая видимость введения «равноправного образования», японцы преобразовали все «общественные школы» и «начальные школы» в «гражданские школы» (國民學校). А в октябре 1939 г. объявили о введении «системы обязательного начального образования» (初等義務教育制), просуществовавшей до 1943 г. Кроме того, японцы начали создавать всевозможные «реальные вспомогательные школы» (事業補習學校) и «молодежные школы» (青年學校), а также «молодежные союзы», «скаутские союзы», «оборонные союзы» и пр. В этих организациях молодым тайваньцам преподавали «военную

подготовку», готовя их к роли волонтеров и призыву на службу в действующую армию [4, с. 294].

Одновременно японские власти на острове развернули «движение за превращение в имперских граждан» (皇民化運動), которое стало самым важным мероприятием их этнической политики военного времени. Цель этого движения сводилась к тому, чтобы прививать формозцам «японский дух», японизировать их духовно (идеологически), чтобы жители острова еще усерднее трудились и приносили себя в жертву нуждам войны. Для достижения указанной цели губернские власти основали в сентябре 1934 г. «Ассоциацию просвещения тайваньского общества» (台灣社會教化協議會). В специально принятой «Программе просвещения тайваньского общества» (台灣協會教化要綱) были предусмотрены три основных направления работы:

1. До конца внедрять имперский дух, укреплять сознание граждан (читай – до конца разрушить самосознание формозцев).

2. Распространять дух слияния японцев и тайваньцев, культивировать привычку к солидарности и единению (читай – японизировать обычаи и привычки формозцев).

3. Развивать технические навыки и знания, укреплять производство в интересах Родины (читай – усиливать эксплуатацию рабочей силы).

Наряду с этим власти развернули «движение за распространение государственного (японского) языка» (國語普及化運動). Они поощряли «говорящие по-японски дома» (國語家庭) и «говорящие по-японски племена» (國語部落), в результате чего к 1933 г. уже четверть местного населения понимала японский язык. Кроме того, японцы принуждали формозцев принимать японские имена и фамилии и даже пытались искоренять традиционные религиозные верования формозцев, подменяя их японским синто (天照大神) (см. [4, с. 294; 8, p. 70]).

После начала в 1937 г. китайско-японской войны власти стали проводить по всему острову три крупномасштабные кампании:

1. Всеобщая мобилизация гражданского духа (國民精神總動員, с июля 1937 г.).

2. Создание «Ассоциации процветания гражданских обычаев» (民風作興協議會, с сентября 1937 г.).

3. Движение за производство на пользу Родины (產業報國運動, с февраля 1938 г.).

В апреле 1938 г., под влиянием быстрой эскалации войны, японцами был издан «Указ о всеобщей государственной мобилизации» № 87, который в явной форме предписывал силам полиции проводить принудительную натурализацию формозцев и активизировать труд последних на государство.

Этот и другие японские указы, вроде принятого в 1939 г. «Указа об ограничениях в системе использования выпускников школ» (學校卒業者使用制限令), окончательно выявили главные цели «образования военного

времени» – превращение всего населения Тайваня в производственных рабов и «пушечное мясо» для японской военной машины.

В целом нельзя отрицать, что за 51 год японского правления жители Тайваня достигли куда более высокого уровня образования, чем за все предшествующие 234 года китайского правления. Благодаря японскому правительству образование на Формозе улучшилось, была распространена хорошо организованная система учебных заведений. К примеру, непрерывно возрастала доля получавших образование детей. Если в 1917 г. средняя доля учащихся среди всех детей школьного возраста составляла 13,1 %, то к 1943 г. она достигла впечатляющего уровня в 92,5 % (см. [4, с. 289]). Тысячи тайваньцев получали высшее образование в вузах острова, а с конца 1910-х годов сотни тайваньских студентов ежегодно выезжали на учебу в Японию.

Тем не менее типичными чертами колониальной образовательной системы были открытая (позднее завуалированная) дискриминация в отношении жителей Тайваня, привилегии японских учащихся и монополия японцев на высшее образование, а также на политические, экономические и общественные должности. По сути, в течение целого полувека (1895–1945) коренные формозцы были лишены свободного доступа к учебе, к выбору профессии и специальности, а также к равным с японцами условиям для реализации своих знаний и способностей. Даже самые способные и образованные из них были задвинуты на периферию и могли рассчитывать лишь на мелкие должности в японской колониальной администрации и структурах управления бизнесом.

По сути, вся образовательная политика властей острова была нацелена на японизацию (ассимиляцию) формозцев. Форсированное насаждение «государственного языка» привело к тому, что в 1930 г. по-японски говорили 12,3 %, в 1937 г. – 37,8, а в 1944 г. – 71,1 % всего населения Тайваня [4, с. 289]. За годы японского господства на острове выросло два или три поколения островитян, чей образ мыслей и способ действий был больше японским, чем китайским. Они были поголовными билингвами, свободно владевшими китайскими диалектами и японским языком. При этом иные тайваньские писатели среднего возраста, например Лун Инчунь и У Чжолю, говорили по-японски и на фуцзяньском диалекте, но не могли писать по-китайски (см. [7, p. 320]). А экс-президент Китайской Республики Ли Дэнхуэй, изучавший аграрное дело на Тайване и в Японии, судя по его мемуарам, до 22 лет носил японское имя и считал себя настоящим японцем.

Таким образом, при помощи своей этнической политики, важнейшей и неотъемлемой частью которой была образовательная политика, японцы существенно аккультурировали формозцев, породив феномен «раздвоенной» самоидентификации последних. В свою очередь, тайваньские интеллигенты широко использовали полученное ими японское образование для включения в процесс социальной модернизации и разрушения (через популяризацию образования) изначально неравноправной этнической

иерархии. В то же время они культивировали свою китайскую идентичность, пытаясь противопоставить политике дискриминационной ассимиляции метод «восприятия как сопротивления» [8, p. 71].

Даже сегодня многие люди из довоенного поколения на острове по-прежнему испытывают ностальгию по японскому языку и образу жизни, а японская культура и образование до сих пор оказывают широкое влияние на жизнь всех современных тайваньцев. Тем не менее к 1945 г. японцам так и не удалось добиться полной ассимиляции (японизации) тайваньцев, особенно не приобщенных к социальной элите слоев населения, которые продолжали бытовое общение на родном китайском языке и сохраняли чувство культурной и этнической принадлежности к китайской нации.

Примечания

[1] С 1 апреля 1937 года японцы запретили на острове все китаеязычные издания и преподавание в школах китайского языка.

[2] Ныне Тайваньский государственный педагогический университет.

[3] Позже слита с Медицинским институтом Тайваньского государственного университета.

[4] Ныне Институт сельского хозяйства при Тайваньском провинциальном университете Чжунсин.

[5] Ныне Институт права и коммерции при Тайваньском провинциальном университете Чжунсин.

[6] Ныне Институт индустрии при Тайваньском провинциальном университете Чэнгун.

[7] Ныне Тайваньский государственный университет.

Литература

1. *Чжун Жунфу* 鍾榮富. Тайвань юйянь чжэнцэ юй шицзи юйюндэ сянькуан 台灣語言政策與實際語用的現況 (Современное состояние языковой политики Тайваня и реального применения языков). 2005. http://www.nknu.edu.tw/~hakka/chung/das

2. *Чжэн Лянхань*. Язык меняющегося тайваньского общества (на кит. яз.). Тайбэй, 1990.

3. *Чэнь Бишэн* 陈碧笙. Тайвань дифан ши 台湾地方史 (Местная история Тайваня). Пекин, 1982.

4. *Ши Мин* 史明. Тайвань сыбай нянь ши 台灣四百年史 (400 лет истории Тайваня). Т. 1. San Jose, 1980.

5. *Дэн Кэндзиро*. Биография. 田健治郎傳記. 田健治郎傳記編輯委員會, 1932.

6. *Янайбара Тадао*. Формоза под властью японского империализма. М., 1934.

7. *Hong Chien-chao*. A history of Taiwan. Rimini, 2000.

8. Taiwan under Japanese colonial rule, 1895–1945: History, Culture, Memory. N.-Y., 2006.